

Татьяна ЗАЙКОВСКАЯ

ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Большинство жителей полиэтничной и поликультурной Республики Молдова владеют двумя (а нередко и тремя) языками, по меньшей мере, на уровне бытового общения. Наиболее широко используемыми являются молдавский и русский языки. Русское слово на протяжении веков звучало на этих широтах и продолжает звучать в полную силу в процессе межкультурного диалога. Вопросы взаимопонимания между представителями различных культур и носителями разных языков по вполне понятным причинам носят отнюдь не отвлеченный характер в нашей стране, которая на протяжении многих веков представляла собой не просто неоднородную, но довольно пеструю картину в отношении этнического многообразия.

Различие между билингвом и монолингвом, как известно, заключается в том, что у первого между реальным миром и сознанием посредниками выступают два языка, а не один.

Понятие *родной язык* в языковом сознании представителей различных народов, конечно же, занимает центральное место. Это связано, прежде всего, с действием ментальных стереотипов, работающих на разграничение «своего» и «чужого», на основе самоидентификации любого этнического сознания¹.

Положение ребенка, воспитывающегося в этнически однородном обществе, в котором речевая деятельность производится на основе одного и того же языка, отличается от ситуации, когда он развивается в полиэтничном обществе. Особенности поликультурного социума, состоящего из носителей различных языков, накладывают свой отпечаток на его познание и понимание мира.

В структуре языковой личности билингва инвариантами для двух языковых моделей являются когнитивный и прагматический уровни. Это такие мыслительные структуры, которые не зависят от языков. «Универсальными для актуализации той или иной языковой модели в речемышлении билингва являются язык мозга (нейрофизиологический субстрат) и язык мысли, предметно-схемный код (по Н.И. Жинкину), оперирующий образцами, схемами действий, гештальтами, картинками, символами... Сущность процесса речемышления билингвов составляет не непосредственный переход от родного (доминанты) к неродному, а переход с лексико-грамматической структуры на родном

языке к структуре содержания этой единицы, базирующегося на когнитивно-прагматическом уровне, а от нее – к лексико-грамматической структуре на неродном языке. Истоки вариативности языковых моделей лежат в особенностях языкового знака... Неизоморфны внутренний и внешний планы речи»². Не совпадают внутренние формы слов, ср.: русск. *коленная чашечка* – молд. *nisa genunchiului* (досл. ‘орех колена’ или ‘коленный орех’).

Различия в способах обозначения одних и тех же реалий обусловлены и произвольностью языкового знака, отсутствием жесткой однозначной связи между материальной стороной знака и его означаемым. «Обладая помимо специфично отображенных знаний о мире еще и собственной семантикой, *языковые картины мира* становятся источником дополнительной (к концептуальной картине) информации о реальности»³.

Таким образом, язык активно участвует в классификации и категоризации опыта человека, а языковой знак является носителем не только закрепленного за ним знания о денотате (обозначаемом), но и знания о специфике структуры и системы языка, а также о правилах оперирования этим знаком. Существуют, разумеется, и национально-специфические формы, отражающие условия жизнедеятельности того или иного народа, реалии, которые характеризуют его этнический тип и культуру. Эти особенности не варьируются в языках, однако вариативность может возникать и здесь – в результате межъязыковых взаимосвязей.

Уточним, что мы понимаем под языковой картиной мира: это совокупность предметов, явлений и процессов, которые отличаются жесткой закрепленностью и долгосрочной сохранностью в языковых социально-типичных значениях, а также те связи и отношения между ними, которые в обобщенном и отвлеченном виде зафиксированы в синтаксическом строе языка и широко представлены в разнотипных текстах.

Под культурой, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем «способность человека к ориентации в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе знания эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т. п. как своего рода образцов-прототипов категорий культуры, образующих ее язык»⁴.

Речевое сообщение строится в расчете на понимание, являющееся той предпосылкой, на которую опирается передача опыта, знаний, переживаний, а текст (в широком плане) и его понимание являются двумя сторонами одного и того же логико-лингвистического процесса декодирования смысла, что в конечном итоге зависит от личностного фактора, от способности придать смысл, исходя из индивидуального смыслового контекста с учетом взаимодействия всех составляющих сложного комплекса познавательных процессов человека. Целостный

смысл текста можно постичь, лишь учитывая все те пласты смысла, которые возникают в результате взаимодействия между текстом и контекстом. Контекстом принято называть те экстралингвистические отношения, которые делают текст осмысленным.

Таким образом, язык, составляя неотъемлемую часть познания мира, в то же время отражает взаимодействие между психологическими (в том числе и связанными с национальной психологией, национальным характером), коммуникативными, функциональными и культурными факторами, которые оказывают значительное влияние на осуществление процесса взаимопонимания; здесь же находятся и корни причин непонимания, а часто вследствие этого и неприятия собеседника как личности, отличающейся от нас по разным параметрам.

Справедливо считается, что необходимое условие диалога заключается в том, чтобы видеть и слышать своего оппонента не как врага (в противном случае путь к взаимопониманию будет изначально блокирован) и не как свое подобие (личность без стремления к своей уникальности не может общаться с другими, не рискуя раствориться в них), а как Другого.

Приведем пример без комментариев, без оценки его знаками «+» или «-», подчеркнем лишь, что бесспорно одно – наличие факта общения. На различных каналах украинского телевидения существуют программы и циклы передач, в которых два ведущих общаются между собой и со студийной аудиторией, а также обращаются к телезрителям следующим образом: один использует только украинский язык, а другой – только русский. Причем отвечать им могут на любом из указанных языков.

В научной литературе отмечается возросшая в последнее время значимость слова: «Язык стал новым мощным измерением идентификации общества, но также... новым принципом раскола и вражды, наложением на другие культурные различия»⁵.

Участвуя в передаче «Комната отдыха» (16 мая 2007 г.), министр культуры РФ, беседуя о процессах, происходящих в сфере русской культуры, на вопрос «Надо ли вводить цензуру с целью противостоять непрофессионализму, например, в журналистике?» ответил следующее: «Слово *цензура* в России слишком скомпрометировало себя, чтобы его использовать сейчас, какой бы смысл мы в него ни вкладывали... Так же, как и слово *идеология* надо сначала основательно отмыть, прежде чем им пользоваться».

Таким образом, он подчеркнул эту силу слова, власть коннотаций, возникающих при употреблении той или иной лексемы, когда слово оказывается «отягощено прошлым», сопряжено с определенными фоновыми знаниями, не содержащимися непосредственно в его значе-

нии, но сопутствующими ему. В частности, поэтому, употребляя порой те или иные лексемы, носители разных языков и культур в процессе межкультурной коммуникации чрезвычайно часто вкладывают в них неодинаковые значения.

См. примеры, приведенные в нашей последней статье (Национализм и *naționalism*, этнос и *etnie*, Республиканская конференция и *conferința națională*, а также другие)⁶. Это подтверждается и результатами множества ассоциативных экспериментов, которые проводились автором данной работы на протяжении ряда лет⁷.

При исследовании процесса межкультурной коммуникации особого внимания требует учет таких понятий, как *культурный фон* и *свернутый языковой знак / свернутый национально-культурный текст*. Это тема заслуживает отдельного внимания, в данном случае отметим лишь некоторые моменты.

Для изучения культуриносной функции языковых знаков необходимо различать культурную информацию по крайней мере 4-х типов: 1) культурные семы; 2) культурные концепты; 3) культурный фон; 4) культурные коннотации⁸.

Культурные семы – это культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика).

Культурные концепты – понятия, значения которых являются итогом идиоэтнической концептуализации культурно значимых сущностей.

Культурные коннотации – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры.

Культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе. Под фоновыми знаниями понимается совокупность сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива (этнокультурной общности) на определенном этапе его развития. В их состав входят сведения о природе, человеке, окружающей его среде, быте и нравах, медицине, музыке, художественной литературе и фольклоре, живописи, элементарные представления о разных отраслях науки и техники, общественной жизни и политике.

Принято считать, что фоновые знания обладают довольно четкой структурой, а объем их компонентов варьируется в зависимости от степени развитости народа – носителя языка. Они закреплены и существуют в языке и менталитете того или иного народа, но свое конкретное проявление находят в речи и менталитете отдельного индивида, развиваясь и расширяясь.

В заключение подчеркнем самое важное – взаимопонимания нет и не может быть без взаимного желания понять друг друга. А следовательно, и толерантное отношение окажется невозможным. Взаимное изучение этносов, языков и культур является единственной возможностью социальной интеграции в самом широком смысле, выступая залогом формирования толерантной личности в поликультурном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белоусов В.Н., Григорян Э.А., Познякова Т.Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001.

2. Абдулфанова А.А. Специфика языкового сознания билингва // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Т. 1. Минск, 1994. С. 48.

3. Там же. С. 49.

4. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Т. 1. Минск, 1994. С. 14.

5. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell Publishers. Inc. 1999. P. 220. Цит. по: Степанов В.П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989–2005). Кишинев, 2007. С. 91.

6. Зайковская Т.В. Особенности межкультурной коммуникации // Revista de etnologie și culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural. Centru de Etnologie. Vol. II. Chișinău, 2007.

7. Она же. Этнокультурная информация в сравнительных конструкциях болгар, молдаван и русских // Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. Mater. conf. internaț. Chișinău, 1998. P. 227-238; она же. Культура языковой личности и специфика ассоциативного сознания // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Chișinău, 2000. P. 139-142; она же. Язык – культура – социум // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы Междунар. научно-практ. конф. Кишинев, 2003. С. 174-177; она же. Язык и национальный характер // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM. Vol. IV. Chișinău, 2003. P. 132-134; она же. Концепты нравственно-онтологической сферы в языковом сознании русских, молдаван и болгар // Славянские чтения. Вып. 3. Кишинев, 2005. С. 50-60; она же. Межкультурная коммуникация – путь к взаимопониманию // Revista de etnologie și culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural. Centru de Etnologie. Vol. I. Chișinău, 2006. P. 154-158.

8. Телия В.Н. Указ. раб. С. 14-15.